

Т.З. Позняк

Жилье и быт горожан на дальневосточной окраине (вторая половина XIX – начало XX в.)

Дальневосточная окраина России во второй половине XIX – начале XX в. отличалась высокими темпами урбанизации, которые наблюдались, однако, в силу целого ряда причин только в так называемых южных округах, северные города – Охотск и Петропавловск – хотя и имели городской статус как центры соответствующих округов, внешне ничем не отличались от небольших деревень. Юг же Дальнего Востока – Амурская и южные округа Приморской области, начиная с середины XIX в. заселяли и осваивали достаточно интенсивно. Если в 1868 г. здесь было 3 города, а численность их населения составляла 8859 чел., то на 1 января 1913 г. – уже 7, и в них проживало 277296 чел. [1–4]. Столь быстрые темпы прироста населения привели за короткий период к созданию в слабозаселенном регионе сравнительно крупных городов и формированию новых социокультурных условий, городского образа жизни. Данная статья посвящена изменению условий жизни в городах юга Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. В отличие от сибирских городов, изучение проблем застройки, благоустройства, бытовых условий жизни которых представлено целой плеядой исследователей [5–9], дальневосточные города обделены подобным вниманием.

На начальном этапе заселения региона жилищные условия в дальневосточных городах мало соответствовали городскому образу жизни. В 1860–1870-е гг. города и посты не слишком отличались от поселений сельского типа, застраиваясь деревянными строениями, часто сооруженными наспех. Вплоть до начала XX в. подобных построек было немало не только на окраинах городов, но и в центральных кварталах. По свидетельству современников, к моменту избрания Хабаровки в качестве места пребывания генерал-губернатора в 1884 г. фактически все частные здания здесь были деревянные и только пять из них на каменных фундаментах. Часть строений была возведена упрощенным и удешевленным способом – полуземлянки-полуизбы, сырые, плохо отапливаемые [10, с. 37].

В соответствии с законами и циркулярами МВД военные губернаторы областей уже в первые годы после основания издали ряд постановлений, регулировавших характер застройки, внешний вид зданий, ширину улиц и кварталов. Однако постановления эти часто не выполнялись. Основные трудности в благоустройстве были связаны с бедностью обывателей, основная мас-

са которых – нижние чины и ссыльнопоселенцы, а от них трудно было ожидать соблюдения самых простых требований архитектуры и придания домам «благообразного вида» [11, с. 26–27; 12, л. 12].

Строительству каменных домов препятствовала дешевизна леса и отсутствие кирпичных заводов. В Николаевске-на-Амуре производство кирпича затруднялось сыростью климата. Начало каменного строительства пришлось на конец 1870-х гг., это были военные и административные здания, а также немногочисленные дома предпринимателей. В основном же горожане проживали в деревянных домах сельского типа, а многие вообще в малоприспособленном для жизни жилье. Даже Владивосток, который от других дальневосточных городов отличался довольно ранним и активным строительством кирпичных зданий (в 1877 г. в городе было 102 каменных и 333 деревянных здания) [13, л. 12, 31], и в начале 1890-х гг. предстает в весьма неприглядном свете: «Большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры. Строятся обыкновенно на скорую руку. Масса домов имеет позднейшие пристройки. Архитектура и стиль самые разнообразные. Хотя дома строились и строятся из бревен, но немало встречается и таких, наружные стены которых состоят только из одной плахи» [14, с. 10–11].

Состоятельные и среднеобеспеченные слои горожан проживали в более комфортабельных жилищах. Во второй половине XIX в. это были в основном деревянные одно- и двухэтажные дома с приусадебным участком, на котором располагались хозяйственные постройки – сараи, бани, сеновалы, конюшни, загоны для скота. В доме часто имелся подвал для хранения продуктов – картофеля и овощей, заготовленных на зиму, солений и пр. Купеческие дома возводились на главных улицах, причем фасадную часть занимали магазины, лавки, а в задней части или на втором этаже жила купеческая семья. Здесь же, в центральных кварталах, размещались административные и общественные здания и пр.

В начале XX в. каменная застройка центральной части городов существенно расширилась, и внешний облик городов изменился. Изменение характера застройки наглядно можно представить на примере Владивостока (табл. 1).

Двух-трехэтажные здания располагались в основном в центральных кварталах. Каменные здания на

Динамика застройки Владивостока с указанием этажности и материала изготовления зданий

Материал и этажность строений	Численность строений в указанные годы					
	1887		1906		1914	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число строений*	1065		2194		5726	
Из них частных и общественных	1035	100	2029	100	5243	100
В том числе:						
деревянных	967	93,4	1358	67	4051	77,3
каменных	68	6,6	483	23,8	829	6,9
деревянных на каменном фундаменте	**		188	9,2	363	15,8
одноэтажных	1011	97,7	1687	83,1	4687	89,4
двухэтажных	24	2,3	291	14,3	457	8,7
трехэтажных и выше	–		51	2,6	99	1,9

Источник: РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 102. – Л.15; Первый выпуск журналов заседания Междуведомственный комиссии во Владивостоке по урегулированию земельных отношений города Владивостока с ведомствами. – Владивосток, 1915. Прил.4. С. 58.

Примечания: * В общее число строений включены, кроме рассмотренных, разные хозяйственные постройки, материал изготовления и этажность которых в источнике не указаны.

** По данным на 1 января 1887 г. здания деревянные на каменном фундаменте учтены, видимо, вместе с деревянными.

главных улицах занимали военные, общественные и административные учреждения, гостиницы, рестораны, театры и пр. Здесь построили немало доходных домов, первые этажи которых были заняты магазинами, лавками, парикмахерскими и прочими предприятиями торговли и сферы обслуживания, а верхние – квартирами, сдававшимися в аренду.

Значительная часть обеспеченных слоев городского населения проживала в квартирах двух-трехэтажных домов либо в одно-двухэтажных каменных домах с мансардами и подвалами. Страницы дальневосточных газет пестрели объявлениями о сдаче квартир. Число комнат варьировалось от двух до семи-восьми, предлагались также комнаты с подселением, сдача одной комнаты с проживанием в семье и даже питанием. Выбор зависел от финансовых возможностей [15]. Краины же и в начале XX в. сохраняли облик сельского поселения. Они были застроены в лучшем случае одноэтажными домами с приусадебными участками, но были здесь и глинобитные постройки с соломенной крышей, и деревянные фанзы, и лачуги, сооруженные из плах и крытые тесом. Строения эти располагались хаотично, самым причудливым образом, отсутствовали сточные каналы и тротуары.

Спецификой региона было присутствие большого числа иммигрантов из Китая и Кореи, которые придавали своеобразный колорит внешнему виду городов. Во всех городах существовали районы, заселенные преимущественно китайцами и корейцами. Во Владивостоке они сначала проживали в так называемой Миллионке – центральных кварталах, включавших улицы Пекинскую, Фонтанную, Семеновскую, Пологую и Комаровскую; в конце XIX в. были отселены на улицу Последнюю, затем далее – в Куперовскую

падь. В Никольске-Уссурийском азиатские кварталы располагались сначала в районе около китайского базара, затем в слободке на Фениной горе.

Китайские и корейские иммигранты проживали как в многоэтажных каменных домах, так и в сооружениях фанзового типа. Условия проживания в многоквартирных домах были самые неприхотливые, в комнатах и каморках могли одновременно спать несколько десятков человек. Теснота, грязь, нехватка воздуха, отсутствие элементарных удобств были неизменными спутниками иммигрантов. Китайцы отличались способностью безмерно уменьшать расходы на собственное проживание и пропитание. В результате азиатские кварталы становились рассадниками эпидемических заболеваний. Многочисленные попытки местной администрации и городских управ, часто вызванные эпидемиями холеры и чумы, отселить иммигрантов из центральных кварталов на окраины приводили, как правило, к тому, что китайцы и корейцы заселяли специально отведенные для них кварталы, при этом оставаясь проживать и на старых местах [16, с. 57–62; 17, с. 359–365].

На окраинах жилища иммигрантов были самыми разнообразными. Зажиточные китайцы строили себе каменные дома, крытые железом, малоимущие – деревянные, крытые тесом, но встречались и вовсе непригодные для жилья сооружения – глинобитные или дощатые сараи, крытые соломой или хворостом, землянки и полуземлянки. Д.И. Шрейдер, посетивший Владивосток в конце 1890-х гг., был поражен состоянием китайских и корейских фанз: «...легкое деревянное строение с огромными щелями в стенах, беспорядочно залепленными землей или глиной, с крышей, прикрытой хворостом, обильно отягчен-

ным толстым слоем земли. Пол внутри – земляной, даже не освобожденный от верхнего травянистого слоя. Окон нет, двери также отсутствуют; вместо них – тряпичный или сделанный из грубой циновки полог или худо сбитые деревянные доски, не висающие на петлях, а только приставленные к дверному отверстию». Такая дверь не могла защитить от зимнего мороза и ветра, дуящего почти непрерывно в течение всей продолжительной уссурийской зимы [18, с. 17–18].

По данным Ф.Л. Вильчинского, обследовавшего в 1902–1903 гг. рабочий рынок в городах Приморской области, русские строительные рабочие жили не лучше китайцев: в дощатых бараках было так же холодно и так же сквозило, как и в китайских фанзах. В землянках было сыро, темно, тесно, грязно и душно. В помещениях рабочих чаще всего не было постели [19, с. 8–9].

Кроме рабочих (китайских, корейских, русских), в дальневосточных городах проживало и много других малообеспеченных категорий населения – ссыльно-поселенцев, отставных нижних чинов, крестьян, не имевших возможности ни построить собственный дом, ни арендовать помещение, сколько-нибудь пригодное для жизни. По мере роста населения в городах расширялась трущобная застройка: самовольно, без разрешения городской управы занимались участки городской земли, где возводились самые непрезентабельные строения. Некоторые районы получали говорящие названия, например, Нахальная слободка во Владивостоке. В Хабаровске подобный район сложился в долине Плюснинки и Чердымовки. Дальневосточные города не были исключением, подобное явление было характерно и для сибирских городов [5, с. 126–127].

Лица, не имевшие и такого жилья, могли воспользоваться ночлежками. Во Владивостоке ночлежный дом, располагавшийся в начале XX в. на Корейской улице, был рассчитан на 70 чел. В нем имелись кухня, спальня и столовая для ночлежников, сушильня для платья, квартира смотрителя. Кроватей в спальне не было, их заменяли нары с циновками и подушками, набитыми сеном. В ночлежные дома допускались несостоятельные обыватели, не имевшие крова, кроме китайцев и корейцев. Ночлег обходился посетителям в 5 коп., за эти же деньги наутро давали чай, полфунта хлеба и кусок сахара [20, с. 247]. Столько же стоил приют и в Хабаровском ночлежном доме. Он был открыт в 1898 г. и размещался на Артиллерийской улице, в овраге у речки Плюснинки [21]. Подобные ночлежные дома имелись практически в каждом из дальневосточных городов. Нужда в них была большая, и пользовались ими довольно большое число нуждающихся в ночлеге. Например, в Благовещенском ночлежном доме с 9 сентября по 13 октября 1906 г. ночевало 1657 чел. [22, с. 54].

Стоимость аренды жилья в дальневосточных городах, особенно крупных, была очень высокой. Во

Владивостоке в 1874 г., по данным городской управы, аренда квартиры составляла от 600 до 1000 руб. в год без оплаты отопления и освещения, которая могла обойтись еще примерно в такую же сумму [23, л. 89об.]. По мере увеличения строительства, особенно с появлением доходных домов, цены на жилье несколько снизились, но продолжали оставаться достаточно высокими. В Хабаровске в 1894 г. аренда двух-трехкомнатной квартиры стоила 10–15 руб. в месяц, в 1896 г. – 20–30 руб., в 1906 г. – 12–50 руб. [24].

Важным показателем качества жизни горожан было не только состояние жилья, но и бытовые условия проживания – освещение, снабжение питьевой водой, наличие канализации и очистка города от мусора и нечистот и пр. Во второй половине XIX в. для освещения жилых помещений горожане пользовались лучинами, сальными и стеариновыми свечами. Современники отмечали периодическое отсутствие в дальневосточных городах в продаже сальных свечей, наиболее доступных по цене, а также их низкое качество. Стеариновые свечи были дороже, и потому несостоятельные горожане не всегда могли их купить. В 1880 г. во Владивостоке один пуд сальных свечей стоил 12 руб., стеариновых – 18 [25, с. 495]. С организацией рейсов Добровольного флота из Одессы во Владивосток, сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали снабжение населения товарами первой необходимости улучшилось, а цены несколько снизились. Цена за пуд стеариновых свечей в январе 1907 г. во Владивостоке колебалась от 7,50 до 11 руб., в Хабаровске составляла 12 руб., в январе 1914 г. во Владивостоке – 12–14 руб., в Хабаровске – 12,5, в Никольске-Уссурийском – 12, в Николаевске-на-Амуре – 8–12 руб. [26, №1–2, с. 50; №3–4, с. 39; 27, с. 4].

Керосиновая лампа, изобретенная в 1853 г., в домах зажиточных горожан на дальневосточной окраине появилась в 1870–1880-е гг., однако не была широко распространена, малоимущие чаще пользовались свечами, более состоятельные горожане, а также в административных и общественных местах – масляными лампами (или их разновидностью – лампами на фотогене). Например, в 1880 г. помещения Николаевской городской больницы освещались лампами, заправлявшимися фотогеном, и свечами. Лампы были настольные и висячие [28]. В конце XIX – начале XX в. керосиновые лампы стали достаточно обыденным явлением. Стоимость керосина в дальневосточных городах была довольно высокой. На 1 января 1914 г. одна банка керосина во Владивостоке и Никольске-Уссурийском стоила около 2 руб. 65 коп., в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре – около 3 руб. [27, с. 2].

Электричество в дома жителей дальневосточных городов пришло в конце XIX – начале XX в. Первые небольшие электростанции появились в 1890-х гг. во Владивостоке в магазинах и конторе торгового

дома «Кунст и Альберс», в Благовещенске – в зданиях торгового дома «И.Я. Чурин и К^о», в Хабаровске – в казармах саперного батальона [28, л. 216–216об.; 29; 30, с. 226, 254]. Строительство городских электростанций началось после русско-японской войны. В 1906 г. пущена в строй электростанция в Хабаровске, в 1907 г. – в Благовещенске, в 1909 г. – в Никольске-Уссурийском, в 1910 г. – в Николаевске-на-Амуре, в 1912 г. – во Владивостоке [11, с. 110–115; 31, л. 5; 32, с. 38; 33, с. 140–141]. Это существенно улучшило условия жизни горожан: электрическое освещение появилось не только в общественных, административных зданиях, торговых заведениях, но и в частных жилищах; на улицах городов были установлены электрические фонари, хотя на окраинах продолжали сохраняться и керосиновые. В Хабаровске, например, в 1911 г. в домах горожан горело уже 12000 электрических лампочек, а на улицах города в 1913 г. – 54 электрических фонаря, 15 керосиновых и 20 керосинокалильных фонарей [34, с. 47–48].

Стоимость электроэнергии во Владивостоке, например, составляла при наличии счетчиков 28 коп. за квт. час (свыше 100 квт. час полагалась скидка), без счетчиков – за лампу в 16 свечей – 70 коп. в месяц, 25 свечей – 1 руб., 32 свечи – 1 руб. 30 коп., 50 свечей – 1 руб. 70 коп., 100 свечей – 3 руб. 50 коп. Расчет производился не позднее пяти дней с начала месяца за истекший месяц [35].

Увеличение каменного строительства, появление таких нововведений, как электрическое освещение, паровое отопление, частичный водопровод привело к тому, что жилищные условия горожан, особенно состоятельных, существенно улучшились. В 1910-х гг. во владивостокских газетах появились многочисленные объявления, где предлагали квартиры и комнаты с удобствами – электрическим освещением, водяным (или паровым) отоплением. Такие дома были сосредоточены в центральных городских кварталах – на улицах Светланской, Алеутской, Семеновской, Пушкинской.

Владельцы лучших гостиниц одними из первых стали оснащать свои заведения электрическим освещением, паровым отоплением, водопроводом и ваннами. Уже в 1897–1900 гг. во Владивостоке «по образцу лучших отелей Европы» были устроены гостиницы «Золотой Рог» О.С. Гамартели и «Тихий океан» А.А. Иванова, в Благовещенске – «Центральная гостиница» А.Е. Лукьянова [36, с. 224, 240]. Со временем таких гостиниц становилось все больше. В 1911 г. во Владивостоке функционировала 21 гостиница. Номера со всеми удобствами были в гостиницах «Централь», «Версаль», «Бывшая Романова», «Крымские номера» и др. В Хабаровске в 1914 г. было 17 гостиниц, наиболее комфортабельные из них были расположены в центральных кварталах. В гостинице «Эспланад» номера со всеми удобствами можно было снять с оплатой от 1 до 5 руб.

Паровым отоплением были снабжены также некоторые образовательные учреждения, универсальные магазины крупных торговых фирм, общественные и административные здания. Однако оно было еще редкостью, большинство многоквартирных зданий в центре с электрическим освещением, так же, как одноэтажные деревянные дома на окраинах, отапливались печами. Для отопления использовали дрова и уголь, которые хранили в сараях или подвалах.

В жилищах китайцев и корейцев для отопления сооружался кан. Д.И. Шрейдер подробно описывает подобный способ отопительной системы. Вместо печи во всю длину помещения была устроена большая лежанка, оканчивающаяся сложенной из грубых камней трубой, выходящей наружу. Лежанка была устлана циновками из рисовой соломы и представляла собой подобие нар или полатей. Под лежанкой проведена дымовая труба, в отверстие которой у самого входа в фанзу укладывались дрова, когда их зажигали, горячий воздух, проходя под полатами, согревал их. Китайцы и корейцы, лежа на таких нарах, были вынуждены постоянно переворачиваться, так как согревался только один бок. Во всем остальном помещении обычно царил такой же холод, как и за тонкими стенами [18, с. 17–18].

Дрова можно было заготовить самостоятельно, а также закупить на базарах или городских дровяных складах. Для заготовки дров отводились специальные участки в окрестностях городов, военные губернаторы утверждали правила, регулировавшие вырубку и вывоз лесных материалов в казенных лесах. Согласно правилам, утвержденным военным губернатором Владивостока контр-адмиралом Фельдгаузенем 20 ноября 1881 г., жителям Владивостока вырубку строевого, дровяного и поделочного леса разрешалась при условии выборки соответствующего билета «на всей северной части полуострова Муравьева-Амурского до границы Владивостокского губернаторства от возвышенностей, находящихся в трех верстах на север от р. Лучинзы или Шаморы, по речкам Ланчихэ, Тавайзе и в прочих прилегающих местах». Вывоз с места заготовки производился с 15 ноября по 15 мая в одну зиму, а весь лес, не вывезенный в этот срок, поступал в собственность казны. В ближайших окрестностях города можно было собирать только валежник, бурелом и деревья, засохшие на корню, но также при наличии билета [37, л. 123].

Дрова можно было приобрести на городских складах, имевшихся в каждом городе. Во Владивостоке, например, в 1911 г. дровяные склады располагались около Гайдамакской пристани, на Мальцевском базаре, около городской больницы. Дрова стоили 9 руб. 75 коп. за погонную сажень, оплата производилась в городской управе, выдавались квитанции, по которым можно было получить на складе оплаченный товар [38].

Цены на дрова и уголь колебались в зависимости от привоза и спроса, и могли различаться в разных городах региона. В 1914 г. в Хабаровске погонная сажень дров стоила 7–8 руб., в Никольске-Уссурийском – 8–9, а в Николаевске-на-Амуре – 6–7 руб. За пуд каменного угля во Владивостоке надо было заплатить 20 коп., а в Хабаровске – 40 коп. [27, с. 2, 4].

Важным элементом быта горожан было устройство отхожих мест и канализации, а постоянной заботой городских властей в плане благоустройства – очистка города от нечистот. Состояние улиц и дворов регулировалось обязательными постановлениями для жителей городов, которые должны были содержать в чистоте не только дворы, удаляя мусор и навоз, но и прилегающие улицы, тротуары и сточные канавы. Частная застройка сельского типа предполагала устройство туалетов («ретирад» как их тогда называли) и выгребных ям во дворах. Согласно постановлениям, отхожие места обыватели должны были устраивать над ящиками, а не над ямами и оврагами, в которых имелись колодцы, чтобы избежать попадания сточных вод в них. Однако эти постановления часто не выполнялись, и городская управа Владивостока писала в отчете за 1884 г.: «Немало дворов до сих пор остающихся не огороженными, без сточных канав, помойных ям и даже без отхожих мест». Многие обыватели не устраивали у себя во дворах выгребных ям, нечистоты и навоз скапливались во дворах и очищались крайне редко. Ретирадные места часто устраивались без ящиков и потому были неудобны для очистки [10; 37, л. 41–49об.; 38–39].

Санитарное состояние улиц, дворов, жилищ Владивостока начала 1890-х гг., например, описывалось в справочной литературе того времени в весьма неприглядном виде: «Удобств при домах никаких. Отхожие места крайне дурно устроены, очистка и вывоз нечистот сданы подрядчику; особенно неблагоприятные санитарные условия представляют: манзовский квартал, Семеновский покос и слободки – Линейная и Матросская, которые по большей части состоят из фанз или жалких лачуг. Улицы трудно проходимы и грязны во всех отношениях. Устроены отхожих мест, выгребных ям, водосточных труб и прочего нет. Жители этих слободок и кварталов – народ бедный, чернорабочий: манзы, корейцы, русские рабочие (их очень немного) и семейства нижних чинов. Все они живут очень тесно, скученно и в высшей степени грязно в своих или в нанимаемых фанзах» [14, с. 10–11]. Центральные кварталы выглядели, конечно, несколько благоустроеннее. Подобное состояние улиц и дворов было обычным, весьма распространенным явлением в дальневосточных городах.

Во второй половине XIX в. в жилых многоквартирных, а также общественных зданиях туалеты располагались в отдельных помещениях как внутри, так и снаружи зданий. Они были оснащены выносными

емкостями, которые периодически очищались, а отходы вывозились. Примером может служить устройство туалетов в образовательных учреждениях, тюрьмах. В 1889 г. в Николаевском трехклассном городском училище ретирады располагались в особой теплой пристройке, имели небольшие выносные кади и от стульчаков в печку были проведены вытяжные трубы. Во Владивостокской прогимназии, а также двух элементарных школах теплые туалеты были устроены внутри зданий, а вот в городском училище – холодный туалет во дворе на расстоянии 10 сажень. Туалеты очищались один раз в неделю. В тюрьмах и арестных домах в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске и Владивостоке холодные ретирады находились в тюремных дворах, очищались, как правило, ежедневно и периодически дезинфицировались карболовой кислотой; на ночь в камеры ставились деревянные параша с крышками или деревянные кади [40, л. 350–358].

Очистка улиц и дворов от мусора, а также помойных ям и ретирадных мест от нечистот производилась в городах так называемым ассенизационным обозом. На эту работу подрядчик, получавший соответствующий подряд от управы с торгов, нанимал рабочих, возчиков с лошадьми и специальной телегой и следил за качеством и сроками исполнения работы. Согласно требованиям городской управы, телега должна быть снабжена ящиком для нечистот. Ящик необходимо было периодически мыть и дезинфицировать. Отхожие места во дворах необходимо было очищать два раза в неделю. В каждом городе для очистки устанавливалось определенное время. Во Владивостоке в 1880-х гг. она должна была производиться в ночное время, с 11 вечера до 5 утра; в Хабаровске в конце 1890-х – с 9 до 14 и с 17 до 20 часов [39; 41].

Мусор вывозился на окраины городов в места, специально определенные управой. Во Владивостоке, например, для этих целей был отведен участок на берегу Амурского залива за Куперовской падью, однако эти правила не всегда соблюдались: горожане часто зимой выбрасывали мусор на лед Амурского залива, рассчитывая, что весной его унесет в море. В Благовещенске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре в обход запретов мусор вывозили на лед Амура. В Хабаровске в конце XIX в. для вывоза нечистот были отведены два места: на Военной горе за кладбищем, в одной версте от станции Хабаровск и на Артиллерийской горе в местности Крутой лог. Свалки на окраинах городов быстро расширялись, а город, разрастаясь, вплотную подступал к местам свалок, и городские власти вынуждены были переносить их дальше от городской черты [14, с. 3; 42].

Очистка города от нечистот, как и остальные сферы городского хозяйства, развивалась и улучшалась на протяжении рассматриваемого периода, динамику можно проследить на примере Владивостока. В 1884 г. очисткой города занимались частные предпринима-

тели, сформировавшие для вывозки нечистот обоз из четырех пароконных подвод с ящиками. В начале 1890-х гг. эти обязанности исполняли ссыльно-каторжные, жившие в поселке в долине Первой Речки, и китайцы, руководимые подрядчиком. В начале XX в. очистка производилась двумя способами: подрядным в восточной части (предприниматели получали подряды с торгов) и хозяйственным – в западной (обоз содержался на средства города). Плата за очистку туалетов составляла со взрослого 60 коп., с детей 8–15 лет – 30 коп., за очистку помойных ям и мусора со взрослого 1 руб. 20 коп. и с детей – 60 коп., при оплате с воза – 40 коп. с ящика или бочки, с гостиниц, трактиров, магазинов плата взималась по соглашению. Объем работ, выполняемых городским ассенизационным обозом, постоянно рос и требовал увеличения количества телег [43, с. 556].

К 1910 г. очистка города от нечистот производилась в основном по-прежнему ассенизационными обозами, однако уже имелась и частичная канализация [44, с. 1028–1029]. Начало ей было положено владельцами многоэтажных зданий – доходных домов, гостиниц, крупных магазинов, которые оснащали их водопроводом и канализацией. Вода поступала из собственных артезианских скважин, а стоки выводили в специально сооруженные коллекторы. Подряды на очистные работы чаще всего получали китайские предприниматели, нанимавшие в качестве рабочих своих соотечественников. Они не только занимались очисткой нечистот и их вывозом, но и при необходимости чистили канализационные каналы и коллекторы. Работа эта была не только трудная и грязная, но порой и опасная. В 1911 г. два китайца погибли, спустившись для очистки в канализационный сток и отравившись ядовитыми испарениями [45].

К 1919 г. в ведении различных учреждений и частных владельцев города было 13 отдельных коллекторов, по которым нечистоты сбрасывались в Амурский залив и бухту Золотой Рог. Но главным средством борьбы с нечистотами по-прежнему был городской ассенизационный обоз, который состоял из 56 выездов и при пяти оборотах давал 264 подводы ежедневно, что не удовлетворяло потребностей города, так как заявок от обывателей поступало более тысячи ежедневно.

Другим важнейшим элементом городского быта было снабжение водой. Водоснабжение населения городов, расположенных вдоль рек, осуществлялось в основном из этих рек, а также колодцев. Благовещенск, имея с двух сторон проточную воду огромных рек, сверх того был богат колодцами, в которых на глубине от 3 до 4 сажень была хорошая вода, с некоторым избытком железа [46, с. 369]. Жители Николаевска-на-Амуре воду получали из Амура, однако во время хода рыбы на нерест – только из городских колодцев. По мере роста населения, расширения городской территории и удаления от рек в дальневосточных городах

начинались трудности с водоснабжением. Выход находили в основном в постоянном увеличении числа колодцев.

В Хабаровске проблем с водоснабжением не существовало, пока городские кварталы располагались вдоль Амура и недалеко от речек Чердымовки и Плюсники. Снабжением горожан водой занимались водоносы и водовозы, труд их в условиях сложного рельефа и плохих дорог был нелегким. Цена на воду колебалась в зависимости от сезона и состояния погоды и доходила до 5–7 коп. за ведро [47, с. 21–22]. По мере расширения городской территории и загрязнения речек появились трудности в снабжении водой, и городские власти предпринимали немало усилий для увеличения объемов получаемой воды и улучшения ее качества – сооружались новые открытые и закрытые колодцы, последние снабжались как ручными, так и паровыми машинами для подачи воды, на берегу Амура была устроена водокачка, позволявшая подавать по трубе воду из удаленного от берега реки места [48].

Хабаровск, учитывая его административный статус – центр генерал-губернаторства, – первым из дальневосточных городов обзавелся водопроводом, сооруженным на городские средства. В Сибири в этом начинании его опередили лишь два города – Томск и Иркутск, где водопровод появился в 1905 г. [5, с. 98, 102]. Прокладка водопровода, строительство насосной станции и водонапорных башен были проведены в течение 1906–1907 гг. Он обошелся городу в 200 тыс. руб. В 1908 г. он мог подавать 120 тыс. ведер воды, но фактически расходовалось не более 50 тыс. ведер. Обыватели стали меньше пользоваться услугами водовозов, предпочитая брать воду у водопроводных колонок по талонам из расчета по полкопейки за ведро. Вода на станции фильтровалась и обеззараживалась, что способствовало уменьшению желудочно-кишечных заболеваний и эпидемий тифа, холеры и пр. [32, с. 39–40; 47, с. 38–39].

Владивосток испытывал трудности в снабжении водой практически с начала своего существования в силу особенностей рельефа и гидрографических свойств местности. Небольшие реки, которые могли служить источниками пресной воды, находились на окраинах, в 1860–1880-е гг. фактически за городской чертой. Первая речка находилась на северной окраине, в 3,5 верстах от города, речки Объяснения и Буяковка – на западной окраине, в 2 верстах от слободок, отведенных под заселение военных – офицеров, нижних чинов, персонала морского госпиталя. Центральные же, наиболее заселенные кварталы фактически были лишены подобных источников [14, с. 11]. Хотя число общественных колодцев и росло постоянно (в 1884 г. – 16, в 1896 г. – 43, в 1890 г. – 43 и 8 артезианских скважин, в 1906 г. – 45 и 8, в 1916 г. – 247 и 46 скважин), однако они не могли удовлетворить потребно-

сти быстро растущего населения. Многие колодцы не отвечали санитарным требованиям, были плохо устроены (низкие и дырявые срубы, через которые во время ливней потоки грязной воды попадали в колодец) [49, с. 20].

Помимо общественных в городе были частные колодцы на приусадебных участках обывателей, казенные, сооруженные военными в местах размещения казарм, кроме того, владельцы некоторых предприятий (магазинов, гостиниц, бань) сооружали колодцы и бурили скважины для своих нужд. Например, в 1889 г. во Владивостоке кроме 24 общественных колодцев в городе было 74 частных [30, с. 211].

Периодически случавшиеся засухи или холодные зимы приводили к катастрофическим ситуациям. Зима 1888–1889 гг. выдалась бесснежной, а лето 1889 г. жарким и без дождей, поэтому все колодцы в городе пересохли, зимы 1897–1898 гг. и 1910–1911 гг. выдалась очень морозными, колодцы перемерзли, а город остался без воды, ее с трудом добывали из окрестных речек, которые обмелели или перемерзли.

В этих условиях городские власти неоднократно ставили вопрос о необходимости устройства водопровода. Подобные проекты возникали неоднократно: в 1890 г., в 1901–1902 г. из бассейна Первой Речки, в 1908–1910 гг. – проект водопровода из бассейна реки Седанки, но так и оставались нереализованными. В 1914 г. был образован особый Комитет по исследованию водоносности города Владивостока и его окрестностей, в 1915–1917 гг. были обследованы бассейны Первой и Второй речек и некоторых других мест на городской территории, однако в связи с прекращением финансирования после февральской революции 1917 г. практическое разрешение задачи снабжения Владивостока водой в тот период осталось неосуществленным.

Раньше городских властей водопровод построили разные ведомства. Железнодорожное ведомство первым в городе устроило для собственных нужд водопровод, качавший воду из Первой речки, и с 1903 г. паровозы стали заправлять водой в городе. Впоследствии от водопровода были сделаны водоотводы, и он снабжал водой не только станцию, а также порт, городскую больницу и др. Морское ведомство в долине речки Буйковки устроило три пруда-накопителя и провело от них водопровод для обеспечения водой минно-торпедного батальона, госпиталя, флотского экипажа, военного порта, но остальной город воды не получал. Мощность ведомственных водопроводов была невелика, и постоянно растущий спрос удовлетворить они не могли. Состоятельными домовладельцами в центральной части города были устроены несколько десятков частных буровых колодцев, обслуживавших почти исключительно крупные торговые заведения, гостиницы, дорогие квартиры и т.п. [50, с. 64–65, 199; 51].

В этих условиях большое значение имела доставка воды горожанам. От колодцев и рек воду доставляли водовозы и водоносы, первых во Владивостоке было немного, вторые же в условиях сложного рельефа города были незаменимы. Занимались этим промыслом почти исключительно китайцы, они разносили воду по домам в ведрах за 3–4 руб. в месяц. Стоимость одного ведра воды в 1906 г. составляла летом 2–3 коп., зимой – 5–12 коп. [49, с. 20].

Водоносы были организованы в артели, которыми руководил старшина, функции его были разнообразны: эконом, бухгалтер, примиритель в случае ссор и недоразумений, распорядитель работ и посредник в переговорах с клиентами. Артель обслуживала целый квартал самых разных клиентов, переговоры с ними вел старший, он же объяснял водоносам условия работы и характер клиента. Водонос летом должен был доставить в день не менее 40 ведер воды, а иногда до 80; зимой – не менее 30, но обычно 50–60 ведер. Зимой рабочий день начинался с 1–2 часов ночи и продолжался до 8–10 часов вечера, летом – с 3–4 часов утра и до 7–8 вечера. Изнурительный труд зимой был связан с недостатком воды [18]. Качество воды покупатели контролировать не могли и полагались на добросовестность водоносов, которые, однако, брали воду не только из городских колодцев, но и ручьев, луж, опускали в колодец грязные, невымытые ведра [19, с. 5–8; 20, с. 244].

В конце XIX – начале XX в. жизнь жителей дальневосточных городов облегчило еще одно полезное изобретение – телефон. Телефоны появились сначала в общественных местах – административных учреждениях, магазинах, гостиницах, ресторанах, коммерческих фирмах, у частнопрактикующих врачей и юристов, а затем и в квартирах зажиточных горожан. Телефонная связь была далека от современной, абонентов связывал коммутатор. Оплату за телефон вносили в городскую управу.

В Благовещенске телефонная связь начала действовать с 1 декабря 1896 г., ею были охвачены не только городские кварталы, но пригород. Одна линия шла к Астраханскому затону, другая – к лагерю Амурского конного казачьего полка. Первоначально в городе было 100 абонентов, в 1905 г. – уже 360, в 1910 г. – 553. Они разделялись на две категории в зависимости от расстояния до центральной станции: первая – до двух верст, вторая – свыше двух верст. Плата за пользование телефоном для абонентов первой категории составляла в частных квартирах 60 руб., в административных учреждениях, торговых, промышленных заведениях, банках, гостиницах, ресторанах – 75 руб. Абоненты второй категории платили 75 руб. с добавлением по 3 руб. за каждые 100 саженей сверх первых двух верст [11, с. 51–52; 22, с. 36; 52; 53, л. 1–4].

В Хабаровске в конце 1890-х гг. существовала военная телефонная связь, станция которой находи-

лась в окружном штабе, в сентябре 1900 г. к этой сети подключились административные учреждения. Городская же сеть начала действовать с 1905 г. В 1906 г. телефоном пользовались 155 абонентов, в 1910 г. – 520 [44, с. 1039; 47, с. 31; 54, с. 428–429].

Владивостокская городская телефонная сеть была построена в 1907 г., до этого существовала сеть, связывавшая главные административные, военные, портовые учреждения. Число абонентов быстро росло: в 1907 г. – 478, в 1909 г. – 539, в 1910 г. – 591, в 1911 г. – 728, в 1914 г. – 996; 1919 г. – 1403 [43, с. 418]. В Никольске-Уссурийском телефон в административных учреждениях появился 15 ноября 1912 г. Телефон в дальневосточных городах существенно улучшил бытовые условия состоятельных горожан, ускорил решение насущных проблем: по телефону можно было записаться к врачу или вызвать его на дом, позвонить в полицию или пожарную часть и др.

Таким образом, за достаточно короткий срок существования – с 1860-х до 1910-х гг. – дальневосточные города значительно изменились: городская территория быстро расширялась, число строений постоянно

росло, достигнув в начале XX в. нескольких тысяч. Если на начальном этапе освоения региона города и военные посты не слишком отличались от сел и деревень, то в начале века только окраины городов продолжали сохранять вид сельского поселения, раскинувшегося на значительной территории. Центральные кварталы приобретали вполне городской вид – плотная каменная застройка, мощные или шоссированные улицы, бетонные тротуары или деревянные мостки, площади и сады, столбы с электрическими и телефонными проводами. Вечерами в окнах зданий на центральных улицах зажигался электрический свет, а улицы освещались электрическими и керосиновыми фонарями. В начале XX в. состоятельные горожане проживали уже в домах с электрическим освещением, паровым отоплением, водопроводом и канализацией. Подобные нововведения появились в торговых, общественных и административных зданиях, некоторых образовательных учреждениях. И хотя большинству обывателей подобные блага были недоступны, их появление наглядно свидетельствовало о кардинальном изменении бытовых условий жизни в дальневосточных городах.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 137.
2. РГИА ДВ. – Ф. 704. – Оп. 1 – Д. 41.
3. Обзор Приморской области за 1912 год. – Владивосток, 1913. Прил. 2.
4. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг. – Благовещенск, 1915. Табл. 3.
5. Гончаров, Ю.М. Очерки истории городского быта до-революционной Сибири / Ю.М. Гончаров. – Новосибирск, 2004.
6. Гончаров, Ю.М. Благоустройство городов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Сибирский город начала веков. – Иркутск, 2005.
7. Скубневский, В.А. Купеческая застройка Барнаула. Конец XIX – начало XX в. / В.А. Скубневский // Охрана и изучение культурного наследия Алтая : в 2 ч. – Барнаул, 1993. – Ч. 2.
8. Скубневский, В.А. Застройка городов Восточной Сибири в середине XIX – начале XX в. / В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров // Города Сибири начала XX в. Вып. 2: История повседневности. – Барнаул, 2004.
9. Шахеров, В.П. Формирование планировочного и архитектурного облика городов южной части Восточной Сибири в начале XX в. / В.П. Шахеров // Сибирский город начала веков. – Иркутск, 2005.
10. Бодиско, А.М. Из жизни Хабаровска / А.М. Бодиско. – Хабаровск, 1913.
11. Благовещенску 100 лет : сб. док. и мат. – Благовещенск, 1959.
12. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 12.
13. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 90.
14. Прик, А.Е. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области : путеводитель и справочная книга

- с приложением адрес-календаря г. Владивостока и проч. / А.Е. Прик, А.Д. Беляев. – СПб., 1891.
15. Далекая окраина. – 1911. – 12, 20 июля.
16. Нестерова, Е.И. Страницы истории создания китайских кварталов в русских дальневосточных городах в конце XIX – начале XX вв. / Е.И. Нестерова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – Вып. 2.
17. Яворская, Е.Д. Деятельность Владивостокского городского управления по регламентации проживания китайского населения (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.Д. Яворская // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2002. – Вып. 3.
18. Шрейдер, Д.И. Наш Дальний Восток / Д.И. Шрейдер. – СПб., 1897.
19. Вильчинский, Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области. Статистическое исследование / Ф.Л. Вильчинский. – Владивосток, 1904.
20. Хисамутдинов, А.А. Владивосток. Этюды к истории старого города / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 1992.
21. Приамурские ведомости. – 1914. – 5 окт.
22. Летопись Амурской области. – Благовещенск, 1998.
23. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 4.
24. Приамурские ведомости. – 1898. – 10 мая; 1906. – 1 янв.
25. Скальковский, К. Русская торговля в Тихом океане / К. Скальковский. – СПб., 1883.
26. Листок Приморского областного статистического комитета. – Владивосток, 1908.
27. Обзор Приморской области за 1913 год. – Владивосток, 1915.
28. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 744.
29. Приамурские ведомости. – 1897. – 16 нояб.

30. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / Н.П. Матвеев. – Владивосток, 1990.
31. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 408а.
32. Вежновец, А.Ф. Записки краеведов / А.Ф. Вежновец, Н.П. Крадин. – Хабаровск, 2000.
33. Коляда, А.С. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету / А.С. Коляда, А.М. Кузнецов. – Уссурийск, 1997.
34. Известия Хабаровского городского общественного управления. – Хабаровск, 1913. – №9–10.
35. Далекая окраина. – 1911. – 3 авг.
36. Виноградов, А.В. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления / А.В. Виноградов. – М., 1901.
37. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 54.
38. Далекая окраина. – 1911. – 4 окт.
39. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 92.
40. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1153. Ч. 2.
41. Приамурские ведомости. – 1897. – 16 нояб.
42. Приамурские ведомости. – 1896. – 5 мая.
43. Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901–1912 гг. – Владивосток, 1913.
44. Города России в 1910 году. – СПб., 1914.
45. Далекая окраина. – 1911. – 19 июля.
46. Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882.
47. Востриков, Л.А. Хабаровск и хабаровчане. Очерки о прошлом / Л.А. Востриков, З.В. Востоков. – Хабаровск, 1991.
48. Приамурские ведомости. – 1897. – 9 нояб.
49. Березовский, А.А. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока / А.А. Березовский. – Владивосток, 1907.
50. Владивосток: Штрихи к портрету. – Владивосток, 1985.
51. РГИА ДВ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 358.
52. Обзор Амурской области за 1910 год. – Благовещенск, 1911. Прил. 26.
53. Государственный архив Амурской области. – Ф. 8-и. – Оп. 1. – Д. 57.
54. Города России в 1906 году. – СПб., 1907.